

каш
Дмины

1 ЯНВ 1965

Литературная
РОССИЯ

Новогодние интервью
Литературной
РОССИИ

Элина
БЫСТРИЦКАЯ

Об этом удивительном садово-музее я впервые услышала в Тбилиси во время летних гастролей нашего театра.

— Если хотите увидеть настоящий музей доброты, поезжайте к художнику Мамулашвили, — сказали мне мои грузинские друзья.

Наконец выдался свободный день, и мы отправились в древний город Мцхета, что расположен недалеко от Тбилиси. Мы дышали удивительным воздухом — чистым, прохладным, прозрачным. Во круг все было так ясно, светло и чисто, что мы буквально сердцами приготовились к встрече с радостью, с чудом.

Предчувствие не обмануло нас. Группа туристов, которую мы встретили у древнего монастыря, немедленно подсказала, как отыскать дом старого художника. Вскоре мы увидели маленький дворик, сверкавший на солнце всеми оттенками зелени. Спокойствием и гармонией веяло от лежавшего перед нами редкостной красоты пейзажа.

Наверное, и не всякий ботаник смог бы точно пересказать названия всех тех

растений, которые вырастил в своем саду художник Михаил Александрович Мамулашвили. Я называю его художником, хотя он не пишет картин, не занимается ваянием, не режет по дереву. Я называю его так, потому что сад, который он вырастил, — поистине произведение искусства, созданное человеком мудро и чуткого таланта.

В прекрасной строгой гамме сочетались самые разные цвета. Зеленый бархат и сине-фиалковая голубизна, ярсточно-красные розы и нежная прелесть белых лилий... Все это было обрамлено композициями из камней, глины, черепицы, корней высохших деревьев.

Нам казалось, что сказка, неожиданно выплывшая из памяти детства, стала явью и мы ступаем по этой сказочной земле.

Встретил нас худощавый человек маленького роста, уже немолодой (Мамулашвили девяносто лет), согнутый, весь точно накрепанный к земле, которой отдал всю свою жизнь. Я обратила внимание на его руки — сильные, узловатые пальцы, крепкая кисть. Я видела, как нежно, бережно касался он стеблей каких-то незнакомых растений.

Мамулашвили долго, внимательно присматривался к нам. Его сад давно стал чем-то вроде народного музея, и к многочисленным посетителям он успел привыкнуть. А мы, ошеломленные, молчаливые, обходили сад, вбирая в себя новые и новые впечатления.

Когда мы возвратились, Мамулашвили и его дгчь (она — верный помощник отца) подошли к нам. Мы пытались передать ему охватившие нас чувства, го-

ворили наперебой, бессвязно, но наши лица и наши глаза, очевидно, рассказали ему о том огромном счастье, которое испытали мы, встретившись с созданием им Красотой.

Узнав о том, что мы москвичи, артисты Малого театра, Мамулашвили захотел подарить нам что-нибудь на память. В моих руках оказались три розы. На первый взгляд, они различались только цветом, вернее оттенками сочного алого тона. Форма была у всех одинакова, но каждая из роз имела свой, неповторимый запах.

С того дня, как мы побывали в «музее доброты», прошло более полугода. Но я храню в памяти встречу с человеком, прекрасным в своей чистой и бескорыстной любви к Природе, к Красоте, к Гармонии Эта встреча для меня — не просто светлое воспоминание. Она помогает мне в моем труде. Я всегда помню о том высоко и светло чувстве радости, которое охватило всех нас в саду художника Мамулашвили. И я мечтаю, чтобы труд мой и труд моих товарищей рождал в нашем зрителе такую же чистую Радость.

